

Ипостаси с котунами

Хильда Бёрка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хильда Бирка

Ипостаси с колтунами

<https://litres.ru/74586472>

SelfPub; 2026

Аннотация

Метафизическая и метаироническая повесть про несусветную метапрозу, а также оммаж русским классикам.

Сразу предупреждаю, что текст очень сложный для восприятия;

Текст поделён на повествовательную и противоположную ей часть.

Описать сложно; легче познать на деле.

Содержание

Колтун	4
ГЛАВА I — Ипостась с ересью неродимой	5
ГЛАВА II — Психические чертоги	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ипостаси с колтунами

Колтун

ЧАСТЬ I — Колтун

ГЛАВА I — Ипостась с ересью неродимой

«Червоточина в моей экспозиции будет злопамятная, уж вам-то это будет очевидно, да и некому больше такого ве-
дать, кроме как вам.

Домишко мой такой же меркантильный, как и я сам, ощущается стервозность от самой сущности бытия, разве что на улице слышится её отсутствие, потому что и я там отсутствую, а присутствовать там мне, как какому-то приставу уличному, положено не обязательно, никто мне этого не на-
казывал.

Ладно-с, я ведь, прежде всего, не студент даже, а простой старшекласник, если точнее, 11-классник, но пережил нечто похлеще натягивания совы на глобус, если воспринимать фразеологизм буквально.

Вот те на, только то ведь случилось мне воодушевлением те-
шиться, чего уж я так себя грабастать начинаю, позволены ли таки изречения, что со мной приключается, что я пишу вообще-с... Ладно, постараюсь разъяснить вам всё по полоч-
кам.

Чувствую себя отвратно, чего уж там, и физиономия ко-
сится, голова раскалывается, грудь волнуется, тремор не от-

пускает. Тревогу теперь ощущаю физически своей натурой, она уже подступает, она уже как ком в горле и нож в спине, так внезапно она меня подловила.

Сейчас ещё тот же день, вторник, стало быть, да вот только припозднилось, вечер, а состояние — не ахти. Ощушаю себя точь-в-точь по-Достоевскому, хорошо хоть без эйфории от эпилепсии, и на том боже правый.

Посумеречничать наедине с собой — где выше голов идей.

Где моя керосиновая лампа?

Школа старая, деревенская, в ней нет ничего, кроме атмосферы забвения и учителей советской закалки. Какие-то условия тюремные, толку-то, если только не арестантские здесь личности, а те, что должны быть свечками знания?

— Циммерманнов, ты почему вчера не пришёл? Вчера была контрольная работа по рус-ском-му! — лепетала своим исконно нежным, но получившим эту «серьёзную нотку» в своём голосе Копперфильдовна Марья, педагог высшей категории, как её смеют называть в цивилизованном обществе.

— Понимаете, у меня очень непростая жизненная ситуация...

— Довольно! Ты что себе такое позволяешь, м? Смеешь с учителем пререкаться?

Больше ни слова я тогда не проронил, уж извините, не

смею держать свой дух в состоянии уравновешенном, когда такие люди на повестке дня.

Меня обсуждали мои одноклассники, знающие о моём тёмном секрете, о котором они чёрт знает как узнали:

«Он ухаживал за одной умиротворённой, но незнакомой старушкой в ветхом имении, просто из альтруизма и собственной страсти к заботе о ближнем. Однажды, в очередной раз к ней завернув, та начала рассказывать о тяготах своей жизни, попутно выплакивая последние слёзы, которые шли через боль. Он не выдержал её эмоций и решил уйти, тем более время поджимало, а последняя начала его расспрашивать, мол: "Чего так рано, никого ведь, кроме тебя, у меня нет". Уже сам он не держался в себе, уходил, еле ногами перебирая, а старушка поспешила за ним, но споткнулась и обрушилась на холодный и твёрдый бетон. Тогда ей было 78 лет от роду, но на том теперешний её рассказ окончился».

Так говорили они, шушукаясь так противно, что моя к ним неприязнь чувствовалась гландами. Чёрт побери того, кто меня посадил в эту, не соизволите ли поверить, каторгу с этими индивидами!

Так и просидел Циммерманнов в школе весь день, стараясь абстрагироваться от социума в своих идеях.

Стоит отметить его облик. Парень он долговязый, жилистый, но костлявый до невозможности, лицо у него характерное, глаза утопленные, словно ими он внутри самого себя глядит на досуге. Больше нечего сказать, слишком он личность, так скажем, противительная.

Он не разрабатывал теорию о той старушонке, что весьма удивительно, зная его натуру, тянущуюся к чему-нибудь тяготящему и ранимому. Так ли вы считаете, что он не реализован в своём понимании лишь от своих метафизических прений?

На следующий день он, собираясь идти, зацепился за мысль о чём-то декадентском, ну, знаете, что-то такое, о чём даже думать стыдно, не то что воплощать в реальность.

А он её всё не отпускает, вот идёт и только и делает, что бурчит под нос какие-то изречения, напоминающие какое-то воскрешение Лазаря.

— О, привет! Это ты тот самый парень, который за бабушкой ухаживал, а она потом... ну, в общем, того? — остановила меня какая-то девушка, явно дожидаясь однозначного ответа.

— А тебе на кой это знать, милостивая вы наша?

— Ну, тебя учительница по истории звала, Дарина Немедикова. Помнишь её? Она на линейке была и говорила о «ве-

ликом краеведении», ха-ха, ну?

— И что она от меня требует?

— А я откуда знаю? Она сказала тебе передать — и всё, больше я ничегошеньки не знаю, сам к ней топай, раз такой занудный.

Да вот как же они мне противны, боже упаси! Только дай им повод вплести что-то язвительное, словно людям это как потребность в чём-то физиологическом, такая же дико желаемая и неконтролируемая.

Прошёл я по коридору в поисках этой «Дарины» и заметил какую-то женщину, даже скорее девушку, очень молодую, только выпустившуюся из женского педагогического университета, собою прекрасную, высокую и статную, видимо, довольно благородную или таковой себя считающую.

— Здравья вам желаю! Это вы Дарина Немедикова, что меня требовать изволила?

Я присел напротив неё на высокий и узорчатый стул, словно мне она его нарочно приготовила. Даже забавно немного, знаете ли, как Наполеон сидеть, только за делом маленьким. Кабинет был похож на какую-то коробку, квадратный и зашторенный, но очень чистый и приятный, в нём витает аромат цейлонского чая наряду с запахом макулатуры и бюрократии.

— А ты, видимо, Савелий Циммерманнов? Я тебя требовала за неимением иных кандидатов на одно важное дело. Позволишь мне тебе его поручить?

Она ко мне приблизилась, словно собираясь рассказать нечто уму непостижимое, даже как-то слишком для такой мелочной просьбы с её стороны. Она разве всегда была такая, или я себя уже не помню?

— Ну-ка, ну-ка, что это за штука? Не тяните, бога ради, я не силком сотканный!

— На днях, я думаю, ты слышал, у нас был случай с Елизаветой Амальевной. Но, понимаешь, её дом — это такой раритет, что ты просто не представляешь! Он ещё со времён русской колонизации стоит, ещё Петра Первого видел! А можешь подумать, что там вокруг него может скрываться, а?

— Немедикова, вы чего так залепетали? Я-то согласен, да вот вам-то какой от того прок? Хотите какие-нибудь артефакты прикарманить?

— Ну Савельюшка, ну нет конечно, я за другим говорю! Прошу тебя как женщина: напиши очерк о том месте, как ты умеешь. Ну правда, ты ведь у меня такой умничка.

Здесь Дарина слегка коснулась его предплечья, как бы желая какой-то реакции от него и желая произвести впечатление хорошее.

— Стало быть, мне придётся, раз уж вы так настаиваете,

а я личность, склонная к удачным переговорам. Ну-с, какие у нас сроки?

— Циммерманнов, понимаете, у вас остался один день, уже завтра должна быть сдача работы. Извините меня за непунктуальность, только очень прошу: не затягивайтесь там надолго, просто быстренько напишите и сразу несите. Там ведь, если хотите знать...

Дарина опасно приблизилась к моему уху, собираясь что-то нашептать:

— ...там ходят люди, которые, знаете, самих себя убивают!

На этом моменте я не испугался, нет, я уже давно это подозревал по подозрительным следам на деревьях, но признание этого произвело на меня впечатление несколько умопомрачительное.

Я ничего ей не сказал, не осмелился, молча ушёл, напоследок ей лишь кивнув. Она посмотрела, словно хотела ещё что-то сказать, но я уже захлопнул дверь и её желание за ней.

Только меня не покидало какое-то щекотливое жжение внутри, оно появлялось каждый раз, когда я видел эту прекрасную особу, а это значит что-то превосходное и высокое. Неужели любовь?

На улице сумерки несусветные, атмосфера готическая, но при этом завораживающая взор на звёздном небе.

Циммерманнов пошёл к дому Елизаветы Амальевны, прихватив по дороге керосиновую лампу из дому — другого у него и нет святилища, живёт-то он бедно, сирота он, только старшая сестра у него, да и та уже давно его не видела, потому Савелий ни на кого не надеется излишне.

Он поставил лампу на пень аккурат у забора Амальевны, достал ручку да блокнот, но его приготовления нарушили какие-то дребезжащие и гортанные звуки прямо во дворе покойной старушки, на противоположной стороне забора.

Приподнял он над головой лампу, только не удержал её под натиском увиденного, и она грохнулась на пенёк. Удерживаемая она отныне не сознанием.

Смертник вешался, уже шею хотел запустить в петлю, только оглядывался напоследок, наслаждался романтичностью его фатализма.

— Ээй, идиот, ты что творишь? Жить те надоело, что ли?

Смертник взглянул на Циммерманнова, окинул его с головы до ног сверху вниз (он ведь на высоте виселицы, потому и было ему соизволено такую возможность занять) и пробормотал что-то о «Высшей цели», вновь голову вытаращил, в петлю себя пихал, но Савелий перерезал верёвку своим перочинным ножом, который всегда с собой носит — как он говорит, ради безопасности, но кто его знает, зачем тогда он такой острый.

— Ты-ы, ты кто-о вообще такой, а? Шо ты мне тут чешешь? — сердито прервал своё спасение Савелием самоубийца такими словечками, говоря при этом так, словно ум у него нетрезвый. Может, он действительно нетрезвый, но кто его знает, кто вообще манифесты самоубийц понять может, или, судя по этому индивиду, перформанс — будто бы на публику играет вовсе?

— Не ваше дело, господин... Так скажем, безумный. Я лишь разузнать хочу у вас, чего вы так согрешили, что в петлю полезли? Вам действительно так нечего терять, или наоборот, слишком много у вас есть?

Циммерманнов достал свои бумаги, готовясь записывать всё, что ему понадобится для очерка. Он сразу понял, что назревает потрясающий материал для изучения. И вид он принял соответствующий, словно следователем на миг сделался.

— У-у меня всё нормально, малец! Ты вообще ни черта не смыслишь обо мне, что ты тогда мне тут твердишь? Ну, воодушевляет, ну, мне скучно просто стало. Вот представь: вокруг декаданс, страсти, романтика, я вешаться готовлюсь, ух-х какое вдохновение! Только, знаешь, мне страшно было, но одновременно и так любопытно, что там, в загробном мире? Есть ли там то, чего я тут не видал? Там ли живёт

бесформенная нежить, там ли бесы в котлах грешников варят своими маслянистыми, окровавленными вилами, мешают их, как каких-то пельменей в кастрюле, а? И вообще, Низвергова никто не уважает, а тут какая-то мелочь пристаёт, что ещё больше меня подстрекает, эх ма!

Низвергов говорил не с Савелием, он говорил с самим собой, а Циммерманнов был лишь поводом побыть подольше в этой своей святости и погрузиться в свои грешные грёзы, чтобы либо окончательно утвердиться в правильности своего решения, либо найти что-то второе.

— А коли ты себя грешником считаешь, товарищ Низвергов, чего тогда говоришь, что «всё нормально» у тебя? Всё ли у тебя с головушкой в порядке, голубчик ты мой? Я тебя услышать хочу, не твой бред сатанинский. Пойми, ты — личность, каждый должен жить, а ты себя в котле видишь?

Савелий уже искренне начал переживать за жизнь этого мистера. Он узнал его имя только что, но уже тогда в нём что-то ёкнуло, его сердце залилось той кровью, которую хотел отдать суицидник материи земной.

— Ладно, я тебя услышал. Я Аркадий, ну или Аркаша, как меня матушка покойная звала, царствие ей небесное... — Низвергов перекрестился и окинул небосвод своим взо-

ром, чуть промедля, продолжил: — Человек я действительно грешный, грешный сильно, у меня действительно всё ненормально. Я хотел лишь, чтобы ты отстал от меня поскорее, но уже извинительное отношение хочу к тебе принять, попри-
выкнуть, что ль.

Савелий ещё больше растрогался Аркадием, жестом ему указал на дом Елизаветы Амальевны, и они прошли в переднюю. Двери все были распахнутые, так что им чести никто не давал, они сели на кухне на фоне полной луны, единственного их источника освещения (наряду с керосиновой лампой, которую, однако, Савелий забыл, и она так и осталась на том пне и по сей день).

О чём говорили двое парней, которые глубоко жизнью измучились и хотели только утешения, можно только гадать, но доносились оттуда порой и дружеские возгласы как с празднования, так и стоны о их бесконечном страдании и их высшем предназначении. Они даже про буддизм вспомнили.

Ну, не нам их судить, пусть рассуждают о чём хотят, в буддизме ведь тоже о страданиях говорится...

Савелий проснулся у себя дома, очень рано утром, кажется, часу к пятому, уже не имеющий понимания, как он доковылял до своего места жительства. Только он вспомнил, что очерк тот он позабыл Дарине Немедиковой принести, на том

и начал требовать:

«Ох, ну боже правый, чем эта писанина окаянная ей пригодилась, ах! Только попробую проверить, что я успел уже завершить и-и-и... Ох, замечательно, что я уже всё разрешил, только вот я о имени маленько понаписывал, да и пусть, ей и так сгодится... Хотя нет, почему сгодится? Она ведь, если будет недовольной, то мою работу не примет и тогда мне не станет льстить. Да и зачем мне эта лесть? Чего я за ней охотником сделался? Или мне нужна эта лесть, чтобы не свихнуться? Или этот ожог каждый раз, как я её вижу? Да ладно, будь что будет, писанину ей потихоньку подам, да так, что сама не поймёт, и всё, и не будет ни лести, ни страданья!» — думал Савелий Савельевич, ходя по своей квартире так, словно за каждое замечание своей медлительности он бы нагоняй получил. Иначе почему он так стремительно, содрогаясь, мотался туда-сюда?

Циммерманнов начал делом себя тешить, к школе готовиться или, как он смел выражаться, к «условиям тюремным». Так и комбинаторикой размышлял, пока рюкзак собирал да одевался: «Условия тюремные, условия, тюремные, условия...» — а другого он себе не позволял даже припомнить, настолько он человек ранимый даже перед собою родненьким.

Давайте вместе оценим, что думал Савелий в этот момент,

но без оценочных суждений, у нас светское общество:

«Экстернализация является зверинцем под открытым небом.

Судьба не пропаща, она неизбежна.

Выше выши, ниже ниши.

Чрево сих идей.

Только не робей.

Истину не жалея.

Сезоны проболели.

Истина в карманах.

Околотки околели.

Кругом покатилося.

Бережёного не берегут.

Смех им на потеху.

Вести на потеху.

На ходу сотканые карманы.

Наспех разгадали правду.

Целиться лишь плашмя.

Никто не пропащий.

Вымученные пташки.

Бесящие бумажные бумажки.

Блестящие блестяшки.

Бошку раскурили мыслью плебея.

Политика не рассталась с человеческим фактором.

Порербрик разукрашен, кишками огорожен —

Стены расступились перед своим шматком.

Весьма непорядок.

Понедельник кроваток.

Вторник на опятки.

Среда посредине.

Четверг кого-то выпил.

Пятница клинически сдохла.

Суббота на пропевании.

Воскресенье с похоронкой.

График из порезов и мучных обрезов.

Бессмыслица в прекрасном — отныне это бренность.

А свет-то тоже весит.

Ошпаренным рецидивистом выбегать из строя.

Психоделический поток здесь — это образ строки, а не попытка попытаться найти компромисс.

Сознание отчаянно противится изгнанию.

Вымученные пальцы пишут лишь коряги.

Керосиновая лампа светит, даже целуясь.

Поробрик разукрашен, квадратом огорожен.

Стены расступились, некто выморожен.

Спровоцировал (тревогу) успешным умозаключением.

Задохнулся и ушёл с концами,

Голова подконтрольная гонцами.

Не было возможности, не было сил

Покинуть территорию тревожных сил.

Простился с прежним чувством самосохранения,

Пригласил на ужин ощущение удовлетворения.

Да вот только свидание не нам.
Получилось, что за всё платил я сам.
Если где-то брак, то где-то дурак.
Если где-то бабах, то где-то крах.
Если где-то где, то где-то что.
Если где-то здесь, то где-то там.
Крепостная любовь с забралом
Стала отныне любовью с гробом.
Госпожа Б, господин Р,
Поженились, и получился бррр...

Ак.

Роднились деточки,
Словно конфеточки.
Шли за бортом,
Сгинули в том.
Рассталась семейная идиллия,
Ах, какая же цивилизация?
Цветут пионы — индустрия,
Цветёт эпоха — иллюзия.
А мораль сей жизни такова:
Была когда-то никакова,
А сейчас имеем, что поимели,
А поимели мы всё, что велели.
Проститутка,
Простит утка,
Прости, тут «ка»,

Прост, Тит утка.

Прошла пройдоха пройдошком,

Крепила, морока, кружком.

Засыпала кроха дружком,

Засыпала блоха порошком».

Ладно-ладно, кругом покатилося, ой, вернее, ну вы осознали, или не валидировали?

В школе было подозрительно тихо, как-то даже слишком, тишина звенящая была, какая-то нерешительная атмосфера, наименее благоприятная для выходки Савелия. Он себя переборол и направился к кабинету учительницы истории, про себя припоминая, что он не «тварь дрожащая», а «вошь эстетическая», хоть это и камень краеугольный.

— Категорически приветствую вас, дорогая Дарина Немедикова! Я к вам с душой отношусь, понимаю вас, вы человек милосердный, на меня не сердаете, верно?

В кабинете всё было аналогично, только вот Савелий сразу приметил то, что тот самый стул, на котором он в прошлый раз сидел, почему-то стоял сбоку от стола, хотя раньше был напротив него. Может, просто перестановка (или перетасовка)? Циммерманнов уселся и приготовился слушать ответчика.

— Ах, ну что ты такое говоришь, Савушка? Ты ничего не говори такого, ты у меня ведь умничка, ты разве забыл? Ну, давай, говори, что ты там такого видел, что решил задержаться перед визитом ко мне, аля «человек милосердный»?

Дарина к нему приблизилась, стул придвинула, приняла выражение такое детское, словно она страшилки приготовилась слушать.

— Ну-с, извольте меня не изводить, я к вам из имения самой Елизаветы Амальевны пришёл, с вестями страшными! Там, знаете, был человек, который вешаться собирался, представьте только себе! Я о нём всё здесь написал, это такой поражающий воображение образ, ну вообще уму непостижимо!

Савелий хотел ещё что-то сказать, но Дарина лишь кивнула, ему губы пальцем заткнула и отобрала у него его работу. Циммерманнов ещё что-то твердил, болтал, а Немедикова лишь слегка кивала. Очевидно было, что она не слушает, а лишь вид создаёт.

Дарина листала его очерк, поверхностно рассматривая его слог. Внезапно Дарина побледнела, дрожь её накрыла, мурашками покрылась, и с таким же шокированным видом поглядела на Савелия.

Савелий тут же умолк, поутих его пыл, и тут начался но-

вый разговор, предыдущий себя исчерпал.

— Что такое приключилось с вами, сударыня, чего вы так испугались?

;Дарина опомнилась, немного помоталась на стуле, оглянулась пару раз и невинным шёпотом произнесла лишь одно слово:

— Действительно?

Савелий принял её условия нового диалога, поэтому молча кивнул.

— Твой очерк замечательный, но извини меня, мне нужно отлучиться, наверняка надолго. Ты только не пропадай без меня. Скажи, ты сегодня сильно занят?

— Нет-с, барыня, я весь в вашем распоряжении!

Савелий, кажется, даже и не услышал её слов, он уже слишком накрылся каким-то чувством, неведомым ему ранее, поэтому он ему не сопротивлялся.

— Тогда, Савушка, принеси мне ещё один очерк о тех местах, ну пожалуйста! Ты ведь теперь мне очень близок стал! Знаешь, ты о доме Амальевны немного написал, а там, знаешь, что такое можно понаписывать?

Савелий лишь усмехнулся на её вопрос, а Дарина, увидав его согласие, начала суетиться, пальто своё схватила, оде-

лась, только махнула Циммерманнову на прощание, и на том они разошлись.

ГЛАВА II — Психические чертоги

Циммерманнов остался один в её кабинете. Впрочем, он и не возражал такому своему положению, но и сам решил ретироваться из этого местечка — не его ведь это кабинет, некультурно будет в чужом, так сказать, «интеллектуальном бункере» пребывать.

Он собрался пойти к Низвергову, так как тот был личностью без определённого места жительства, поэтому и свободный для диалога. Направился он к бывшему имению Амальевны — там Аркадий часто скитался в поисках чего-то несуразного, какого-то смысла его существования.

Снаружи было лишь умиротворение наряду с золотым часом, издали уже виднелась керосиновая лампа, некогда забытая Савелием.

Он вошёл в дом, а там Аркадий пал ниц и поклонялся чему-то своему — в общем, он в своём репертуаре пребывал.

— Аркадий, что с вами приключилось?

Низвергов пошатнулся и вздрогнул, явно был не готов к гостям, но принял выражение весьма удивительное. Сам по своей натуре он неопрятный, мракобесием живущий, с длинными спутанными волосами, которые кажутся даже длин-

нее, чем у Дарины. На нём лохматая, поношенная одежда, которую он, по всей внешней видимости, отыскал в местах не столь отдалённых. Встал и присел он на стул у окна, на котором он и раньше восседал.

— Савелий, понимаешь, я вывод сделал, что не от сего я мира. Помнишь о тех моих словах про бесов и прочую сатанистскую белиберду?

(Савелий одобрительно покачал головой, а Аркадий этого даже не заметил).

— Так вот, ко мне сейчас пришла одна особа бюрократическая, которая откуда-то прознала про то, что я чуть по стопам Свидригайлова нешёл.

Аркадий принял очень строгий вид и схватился за угол стола так, словно от этого зависит его единственная жизнь и рассудок. Савелий был взбудоражен, но виду не подавал, сам понимал, что дело нечистое. Помедлив несколько минут, Низвергов нерасторопно продолжил свою мысль:

— Насколько ты понимаешь, никто, кроме вас, мой товарищ, не мог видеть меня в том моём пребывании в таком умопомрачительном положении. Теперь я задам лишь один вопрос: это ты ей рассказал о моих сумеречных похождениях?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.